

УДК 785(410)
ББК 85.318
М74

MOBY
MOBY. PORCELAIN A MEMOIR

© 2016 by Moby Entertainment, Inc.

Фото на обложке: © Neil Wilder / Contributor / Contour RA / gettyimages.ru

Моби.

М74 MOBY. Саундтрек моей жизни / Моби ; [пер. с англ.]. — Москва : Эксмо, 2019. — 400 с.

ISBN 978-5-04-094654-9

Автобиография одного из самых культовых музыкантов нашего времени — пугающе откровенная, чувственная, остроумная, грустная и смешная, охватывающая путь от беспросветной нищеты в трущобах до ошеломительного мирового успеха.

Моби не должен был стать диджеем или музыкантом, не должен был стать звездой, и на это была тысяча причин. Время начала его карьеры было временем наркотиков, прогрессивной клубной музыки, а сам он был бедным подростком-христианином из Коннектикута, трезвенником, помешанным на здоровом питании и любви к животным. У него не было ничего, и он даже нашел пути, как с этим смириться. Но, возможно, именно те годы в Нью-Йорке как раз и были такими, когда только нищета могла сохранить жизнь. Не без трагедии и драмы Моби нашел свой путь и вырвался на вершины музыкального мира.

Моби с поразительной честностью и романтической иронией пишет о любви и боли, взлетах и падениях, которые и составляют непредсказуемую амплитуду рок-славы.

УДК 785(410)
ББК 85.318

ISBN 978-5-04-094654-9

© Захаров А., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Оглавление

Пролог. ПАРКОВКА, 1976. 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Грязная Мекка, 1989-1990

Глава первая. Сто квадратных футов	8
Глава вторая. ВЕГАНСКОЕ ПЕЧЕНЬЕ.	20
Глава третья. НОЧНЫЕ ДВИЖЕНИЯ	28
Глава четвертая. РУКИ ВВЕРХ	35
Глава пятая. ЗАМУСОРЕННАЯ ВЕНТИЛЯЦИЯ	41
Глава шестая. ВЕДРО ИЗ КОЗЬЕЙ ШКУРЫ.	45
Глава седьмая. КРЕСТИКИ-НОЛИКИ С КУРИЦЕЙ.	56
Глава восьмая. МАШИНИСТ НА ЛИНИИ L	61
Глава девятая. ОРАНЖЕВАЯ НАТРИЕВАЯ ЛАМПА	65
Глава десятая. ЧЕТВЕРТАКИ НА ИГОЛКАХ	73
Глава одиннадцатая. ОКРОВАВЛЕННЫЕ КОЛЕСА СКЕЙТА.	77
Глава двенадцатая. МОКРЫЕ НОСКИ НА БАТАРЕЕ	86
Глава тринадцатая. СМАЗАННЫЙ ЧЕРНЫЙ МАРКЕР.	92

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Мобы Тоу, 1990-1992

Глава четырнадцатая. ЯМС	104
Глава пятнадцатая. СКРЕЩЕННЫЕ РУКИ	109
Глава шестнадцатая. СЕРЕБРЯНОЕ РАДИО.	117
Глава семнадцатая. ЧЕРНЫЙ ЛАК.	125
Глава восемнадцатая. ДЕТСКОЕ ПИТАНИЕ	133
Глава девятнадцатая. ГИГАНТСКАЯ СВЯЗКА КЛЮЧЕЙ	140
Глава двадцатая. ТОНКИЕ СЕРЫЕ ЗАНАВЕСКИ	146
Глава двадцать первая. ПРОСТЫНЯ С ЦВЕТОЧНЫМ УЗОРОМ	158
Глава двадцать вторая. СВЕТ СКВОЗЬ ДЕРЕВЬЯ	165
Глава двадцать третья. ЖЕЛТАЯ КАСКА	172
Глава двадцать четвертая. ТРИЛЛИОНЫ МИЛЬ	180

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Искажение, 1992-1995

Глава двадцать пятая. КРЕСЛА-МЕШКИ	189
Глава двадцать шестая. ФАНЕРНЫЙ ТАНЦПОЛ	198

Глава двадцать седьмая. Солнечный ожог	204
Глава двадцать восьмая. Монохромные стробоскопы	210
Глава двадцать девятая. Куст можжевельника	216
Глава тридцатая. Учебник биологии	221
Глава тридцать первая. Зубная нить	230
Глава тридцать вторая. Лимонная цедра	234
Глава тридцать третья. Трещины между половицами	240
Глава тридцать четвертая. Пылинки	248
Глава тридцать пятая. Змеи в клетках.	252

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АЛКОГОЛЬНЫЙ ЭЖЕЦУЗИАСЛ, 1995–1997

Глава тридцать шестая. Тысячи кожаных курток	257
Глава тридцать седьмая. Прическа размером с пуделя	264
Глава тридцать восьмая. Кислотно-зеленый мех монстра	271
Глава тридцать девятая. Муравьи и ногти	283
Глава сороковая. Комбинезон из ПВХ.	289
Глава сорок первая. Лампы цвета розы	293
Глава сорок вторая. Мокрый свитер	298
Глава сорок третья. Тростниковые поля	306
Глава сорок четвертая. Звукоизоляционный поролон	315
Глава сорок пятая. «Читос» на полу казино	321
Глава сорок шестая. Оранжевая куртка	326
Глава сорок седьмая. Запотевшее стекло	333
Глава сорок восьмая. Темная вода	342
Глава сорок девятая. Восемнадцать дюймов грязи	348
Глава пятидесятая. Застоявшаяся зеленая вода	353

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТЬ РЕЙВ, 1997–1999

Глава пятьдесят первая. Дубы.	360
Глава пятьдесят вторая. Свадебная вечеринка	366
Глава пятьдесят третья. Дождь на потолочных окнах	371
Глава пятьдесят четвертая. Спальня без окон	376
Глава пятьдесят пятая. Кресло, обожженное сигаретами.	381
Глава пятьдесят шестая. Тающие снежные лужи	384
Глава пятьдесят седьмая. Бежевая «Камри»	388
Послесловие	397

Тралог
ТАРКОВКА, 1976

Будущее

Все магазины в гипермаркете «Док» в Стратфорде, штат Коннектикут, были закрыты на ночь, кроме прачечной самообслуживания «Фреш-н-Клин». Моя мама, одетая в синие джинсы и коричневую зимнюю куртку, купленную на распродаже «Армии спасения» за пять долларов, была в этой прачечной. Она стояла у покрытого растрескавшимся линолеумом столика под мерцавшими флуоресцентными лампами, курила сигарету «Уинстон» и складывала одежду. Что-то из этих вещей было нашим, что-то принадлежало соседям, которые иногда платили нам за стирку и складывание белья. Той мартовской ночью витрины магазинов были темны; на пустой парковке стояли только наша серебряная «Шеви-Веги» и еще чья-то машина. Холод был влажным и тяжелым, кучи снега в углах парковки посерели и постепенно таяли под дождем.

Ее движения были яростны, во рту обязательно была сигарета, а на соседские футболки капали слезы. Мне было десять лет.

Каждые две недели я бывал в «Доке», чтобы стирать вместе с мамой. Я или помогал ей, или просто сидел на фибerglassовом стуле в прачечной, наблюдая, как крутятся гигантские сушилки — а крутились они по-особому, несимметрично. Моя мама уже больше года сидела без работы, а ее последние отношения закончились, когда бойфренд попытался пырнуть ее ножом. Я видел, как она плакала, складывая соседскую одежду. Ее движения были яростны, во рту обязательно была сигарета, а на соседские футболки капали слезы. Мне было десять лет.

После того как мы вместе сортировали стирку, я обычно выходил на улицу и гулял по пустой парковке. Я делал петлю вокруг гипермаркета, проходил мимо погрузочных площадок и ржавеющих мусорных контейнеров и спускался к разрушенному доку, благодаря которому торговый центр получил свое название. Док был черный и обгорелый; когда-то его использовали по назначению, но теперь он просто тор-

чал, стоически покорившись судьбе, из темных вод реки Хусатоник. Иногда, если мне везло, я видел гигантских речных крыс, которые сновали среди нор в грязи.

Тем вечером в марте 1976 года было слишком холодно и дождливо, чтобы гулять, а в прачечной от сигаретного дыма стало нечем дышать. К тому же, сидя рядом со стиральными машинами на холодном фибerglassовом стуле и глядя, как мама курит, складывает одежду и рыдает, я особенно сильно ощущал, насколько мы бедны. Так что я провел тот вечер в машине, закутавшись в мокрую куртку из секонд-хенда и играя

Все, что связано с сексом или чувственностью, приводило меня в ужас и вызывало сильнейшее желание включить мультики «Луни Тьюнз».

с радиоприемником. Дождь монотонно долбил по крыше «Веги», а я крутил туда-сюда настроенный диск АМ-радио.

В музыке я был неразборчив: мне нравилось все, что звучало из динамика. Я считал, что люди, ставящие музыку на радио, точно знают, что делают, и ни при каких обстоятельствах не дадут в эфир что-то неидеальное. Каждую неделю я слушал хит-парад *American Top 40* от Кейси Кейсема и запоминал песни, которые он ставил. У меня не было любимых исполнителей — я обожал их всех одинаково, с почти религиозным благоговением: от Eagles и ABBA до Боба Сегера, Барри Уайта и Пола Маккартни с его группой Wings. Я просто считал, что вся музыка, которая играет по радио, достойна моего полного и безраздельного поклонения.

Мои мокрые синие джинсы «Рэнглер» липли к виниловому сиденью холодной машины, но я с радостью слушал все, что играло. То была эпоха диско, рока, кантри-рока, прогрессивного рока, яхт-рока и баллад. Led Zepplin спокойно сосуществовали с Донной Саммер, а Aerosmith жили в мире с Элтоном Джоном. А потом я услышал что-то новенькое: Love Hangover Дайаны Росс. Я знал жанр диско, хотя и не считал, что эта музыка слишком отличается от другой звучавшей на АМ-радио. Но песня Love Hangover была особенной. Вступление — томное, соблазнительное, словно из другого мира, — напугало меня.

Все, что связано с сексом или чувственностью, приводило меня в ужас и вызывало сильнейшее желание включить мультики «Луни Тьюнз». Когда я смотрел с мамой телевизор и персонажи «Мод» или «Лодки любви» намекали на секс или интимность, я замирал и безмолвно ждал, пока сцена закончится.

Но Love Hangover была совсем другой. Во-первых, ее поставили на радио, а это значит, что песня хорошая. Во-вторых, она звучала футуристично. Я обожал «Звездный путь» и «Космос: 1999», так что решил, что мне нравится все футуристическое. Будущее было чистым и интересным, в нем не было места печальным родителям, курящим «Уинстон», и прачечным самообслуживания. Поэтому даже зная, что Love Hangover — о сексе, я все равно дослушал ее до конца. То была футуристическая песня на радио, а меня пока что еще ни разу не подводило ни то ни другое.

Я сидел, глядя на размытый свет ламп прачечной через мокрое лобовое стекло, и постепенно понимал, что от этой песни мне неудобно, но она мне нравится. Она показывала мне мир, который я не знал, противоположный тому, где я жил сейчас, и который я ненавидел. Ненавидел бедность, сигаретный дым, наркотики, стыд, одиночество. А Дайана Росс обещала мне, что где-то есть мир, не запятанный грустью и обреченностью. Другой мир — чувственный, механистический, гипнотический. И чистый.

Сидя в маминной «Шеви-Веге», я представлял блестящий город, находящийся на расстоянии целой жизни от этой парковки. Я видел, как люди уверенным шагом идут по этому блестящему городу, проходят мимо зданий с гигантскими стеклянными окнами, выходящими на диско-клубы и космопорты. Когда зазвучала лихорадочная диско-концовка Love Hangover, я представил, как люди танцуют, одетые в белое и похожие на роботов-ангелов.

Песня закончилась. Я выключил радио, вышел из машины под дождь и посмотрел вдоль парковки, тянувшейся до самой реки и пустой, за исключением тающего снега и луж. Через зеркальное стекло я снова увидел, как мама курит и складывает одежду, и почему-то даже не расстроился. Жизнь не ограничивалась только этим холодным, унылым торговым центром. Зернышко попало на благодатную почву и тайком проникло куда-то в мою ДНК. Диско-песня на AM-радио подарила мне лучик надежды: когда-нибудь я покину этот мертвый пригород и найду город, в котором смогу забраться в самое чрево. Чревом будет дискотека, куда меня впустят и дадут послушать футуристическую музыку. Я представил себе, как открою двери диско-клуба на вершине самого высокого здания в мире, и тысяча человек поприветствует меня, улыбаясь.

Часть первая

Грязная Мекка, 1989–1990

Глава первая

СПЛО КВАДРАТНЫХ ФУТОВ

В семь часов утра петухи наконец-то заткнулись. Вокруг заброшенной фабрики в миле от станции Стэмфорд, где я жил, часто повторялись четыре характерных звука.

1. Выстрелы. Торговцы крэком регулярно устраивали перестрелки, обычно — после захода солнца.
2. Церковные песнопения из колонок. Каждые выходные местные отделения доминиканской и ямайской церквей ставили неподалеку большие проповеднические шатры, пытаясь таким образом прогнать торговцев крэком.
3. Public Enemy. Или EMPD. Или Роб Бейс и диджей И-Зи Рок. Каждые пятнадцать минут мимо проезжала машина, из которой гремели песни Fight the Power или It Takes Two на такой громкости, что у меня тостер вибрировал.
4. Петухи. Все жители улицы напротив заброшенной фабрики держали на задних дворах петухов. Они начинали кукарекать где-то в четыре тридцать утра — как раз тогда, когда я пытался уснуть. Я держал рядом с кроватью старый радиоприемник и, когда мне нужно было поспать, настраивал его на частоту, где не было станции. Шипение помех едва-едва заглушало рассветные стакато петухов, страдавших от переизбытка тестостерона с той стороны улицы.

Я переехал на этот заброшенный завод два года тому назад, и мне там очень нравилось. В девятнадцатом веке это была огромная фабрика скобяных изделий, состоявшая из двадцати или тридцати гигантских кирпичных зданий. Теперь же, в восемьдесят девятом, она превратилась в темную огромную массу в районе, славившемся самым большим количеством убийств во всей Новой Англии. Лет десять назад какой-то застройщик выкупил весь ком-

плекс, окружил его забором и нанял охранников, чтобы присматривали за ним.

Некоторые охранники обеспечивали себе прибавку к зарплате, собирая по 50 долларов в месяц с разных странных личностей и решая им за это тайком жить или работать на заброшенной фабрике. Я зарабатывал около 5000 долларов в год, так что вполне мог позволить себе такую «арендную плату». Моя комнатка была маленькой, зажатой между киностудией по производству гей-порно и мастерской какого-то художника, но она была моей и только моей: сто квадратных футов¹ заброшенной фабрики, где я мог жить и работать, пока охранники брали свои 50 долларов в месяц и притворялись, что меня нет.

Стены я построил из выброшенной кем-то фанеры, которую мы с моим другом Полом нашли в мусорном контейнере. Мы с Полом вместе ходили в Дариенскую среднюю школу, где сдружились на почве любви к научной фантастике, а также того, что мы были единственными бедными детьми в Дариене, штат Коннектикут. Стены моего жилища в сто квадратных футов

очень напоминали коричневое деревянное стеганое одеяло, а в летнюю жару они воняли так же, как мусорный бак, где мы их нашли. Еще у моего пространства была прекрасная прочная дверь, которую мы спасли из заброшенного дома близ Седьмого шоссе в Норуоке, а пол покрывал толстый, красивый ковер цвета слоновой кости, который я взял из гаража родителей друга. Разрешения я на это не просил, но уверял себя, что ничего страшного в этом нет, потому что если они когда-нибудь заметят пропажу, я тут же верну его обратно. Ковер я вообще не чистил, но он, как ни удивительно, выглядел совершенно нетронутым.

У меня была маленькая коричневая школьная парта, на которой стояли синтезатор Casio, драм-машина и секвенсер Alesis, четырехканальный микшер TASCAM и ужасный сэмплер Yamaha. На колонки

Моя комнатка была маленькой, зажатой между киностудией по производству гей-порно и мастерской какого-то художника, но она была моей и только моей: сто квадратных футов заброшенной фабрики, где я мог жить и работать, пока охранники брали свои 50 долларов в месяц и притворялись, что меня нет.

¹ Чуть больше 9 квадратных метров.

у меня денег не было, так что слушать все приходилось через пару наушников из Radio Shack. Я готовил еду в тостерной печке и на одноконфорочной электрической плитке. И я был счастлив. Я обожал крошившиеся кирпичи, обонятельную нагрузку от столетия фабричных запахов и огромное окно, выходившее на юг; зимой оно пропускало бледный свет, летом — сильнейшие знойные лучи.

Фабричный комплекс занимал примерно миллион квадратных футов площади — он был настолько огромным, что я даже не представлял, сколько еще народу там живет, — и, несмотря на то что мне лично «принадлежали» лишь сто квадратных футов из этого миллиона, доступ я имел к каждой клеточке этого пространства. Я ездил на мотоцикле своего друга Джейми вверх и вниз по пустым фабричным этажам, иногда играя в «мотобоулинг»: ставил ряд бутылок в одном конце коридора и пытался потом сбить их колесами мотоцикла. Когда мне становилось скучно, я устраивал поисковые экспедиции и находил старые канистры с пропаном, бочки промышленных химикатов, гигантские ржавые гаечные ключи, катушки стальных проводов, иногда —дохлых голубей.

Я пах как бомж — потому что, несмотря на то, что у меня как бы было жилище, с функциональной точки зрения я был бездомным.

Когда в гости приходили друзья и родные, они оставались разочарованы. Пятилетний кузен Бен, который приехал сюда

вместе с моей теткой Энн, встал в дверях маленькой комнатки, где я жил, и объявил: «Это ужасно». Я пах как бомж — потому что, несмотря на то, что у меня как бы было жилище, с функциональной точки зрения я был бездомным. У меня не было ни проточной воды, ни туалета, ни отопления, зато было бесплатное электричество — а это единственная коммунальная услуга, необходимая для того, чтобы записывать музыку.

Если мне надо было пописать, я находил пустую бутылку из-под воды. Ванной не было, так что мылся я всего раз в неделю — когда ходил домой к маме или в общежитие к своей девушке, меня пускали в душ. Обычно я вонял, но меня это не слишком беспокоило. Я обожал свою жизнь на заброшенной фабрике.

Ну, почти полностью. Мне совсем не нравилось, что я уже не один год работаю над музыкой, а живу до сих пор в маленьком городке в сорока милях от Нью-Йорка. Еще мне не нравилось, что ни один лейбл не

проявил никакого интереса к моей электронной музыке, и что ее даже не слышал никто, кроме моей девушки. Но если не брать во внимание мое болезненное желание жить и записывать музыку в нижнем Манхэттене, заброшенная фабрика была идеальным местом.

Мой типичный день проходил примерно так: я просыпался около полудня, готовил овсянку на электроплитке, читал Библию и работал над музыкой. Когда мне хотелось отдохнуть, я ездил на скейте туда-сюда по пустым коридорам фабрики или шел в местную доминиканскую бodega, чтобы купить еще овсянки и изюма.

Но сегодня я отправлялся в Нью-Йорк, в свою грязную мекку. У меня было несколько способов добраться туда. Иногда я ехал на своем старом мопеде до Дариена, где жила мама, и одалживал ее изношенную «Шеви-Шеветт». Дорогу, по которой я направлялся в город, мне показал дедушка, когда мне было восемь лет: он рассказал, как добраться до города, минуя платные дороги, хотя для этого приходилось заезжать в самые преступные и наркоманские районы Нью-Йорка.

Иногда я находил кого-нибудь, кто собирался в город, и просил подвезти меня. Но чаще всего я садился на «Метро-Норт», электричку, соединявшую Нью-Йорк с пригородами. Я все детство провел, сбегая из Коннектикута на Манхэттен на «Метро-Норт». Мои друзья-панки и я надевали наши лучшие панк-рокерские футболки и ехали в город, надеясь, что там нас заметят настоящие панк-рокеры и одобряют наши футболки с Black Flag и Bad Brains. С утра по пути к вокзалу Гранд-Централ мы сидели рядом с сонными белыми бизнесменами; возвращаясь вечером домой, мы снова встречали их же, только пьяных и усталых.

Если, выходя с фабрики, я видел полицию, то выбирался через одно из огромных стеклянно-стальных окон, чтобы избежать общения со служителями закона. Сегодня по дороге ехал только грузовик, так что я вышел с черного хода и тут же съезжился от холода. То был не сухой, а влажный, пронизывающий до костей холод, от которого носки становились тяжелыми. Три дня назад прошел снег, покрыв землю чистым, ангельским покрывалом — но его быстро испортил ледяной дождь. Я шел под серым небом по растрескавшемуся, изрытому асфальту бывшей парковки, пробираясь через лабиринт луж. Дойдя до сетчатого забора, я выбрался через дыру в углу и направился к станции Стэмфорд.

По пути туда я прошел мимо нескольких «магазинных церквей»¹ с вывесками ручной работы, продуктового магазина с пуленепробиваемыми плексигласовыми окнами и скидкой на солодовый ликер «Шлиц», бильярдного зала «Кавалер» и пары заколоченных, заброшенных зданий. Через несколько минут у меня уже замерзли руки и ноги. Местные жители на улице казались не то бездомными, не то чем-то перепуганными, и их немало озадачил вид плохо одетого белого парня, идущего по их району.

Следующий поезд до Гранд-Централа отходил лишь через полчаса, так что я зашел в бильярдный зал, чтобы сыграть партию с самим собой. В комнате было темно, лишь несколько тусклых лампочек освещали пять бильярдных столов. Даже маломощные лампы не могли скрыть того, что фетровое покрытие столов изорвано и обожжено — оно десятилетиями страдало от сигарет и пролитых напитков. Кроме меня, в зале были еще один посетитель, решивший поиграть в бильярд в полдень, и парень-кассир, который за полтора доллара давал в аренду кий и набор шаров. Я часто заходил в бильярдный зал по пути на станцию, хотя хорошим игроком меня не назовешь. Я утешал себя тем, что если бы играл в бильярд лучше, то очень быстро забивал бы все шары, и игра была бы короче. Избегать совершенства в этом деле, как и во многих других, было полезно.

Бильярдную всегда наполнял сигаретный дым. Это не удивляло — я работал в барах и часто ходил в рестораны, где все курили. Несмотря на то что сам я был некурящим, а кроме меня, в зале находились всего два человека, вечная задымленность казалась нормальной. Я никогда не говорил ни с другими игроками, ни с кассиром, выдававшим кий и шары. Я надеялся, что когда-нибудь они скажут мне: «Привет, как ты?» или даже кивнут в знак приветствия, но они меня просто молча терпели. Не считая меня, единственными белыми в округе были ребята из пригородов, которые покупали крэк и героин. Ирония состояла в том, что я, пусть и был трезвенником, тоже считался частью проблемы: еще один белый парень-наркоман, который портит всем жизнь. В конце концов местные поняли, что я живу неподалеку; это, конечно, все равно не обеспечило мне дружеских улыбок, но, по крайней мере, враждебные взгляды прекратились.

¹ Церковь, оборудованная в здании, которое изначально было предназначено для коммерческой деятельности.

Я закончил игру, надеясь, что если кто-то из присутствующих наблюдал за мной, то подумал, что я играю лучше, чем на самом деле. В тех редких случаях, когда мне удавался какой-нибудь хитрый или особенно громкий удар, я осматривался — вдруг кто-нибудь заметил? Но никто этого не видел. Тощий белый мальчишка был в здешних местах аномалией, но не настолько интересной, чтобы по-настоящему привлекать чье-то внимание.

Я надел зимнее пальто из секонд-хенда, теперь пахнущее сигаретным дымом и мокрой овцой, и поплелся к станции, до которой оставалось несколько сотен ярдов. Я прошел мимо одной из церквей; там как раз шла служба. Я слышал бубен, электроорган и пение хора. Иногда по воскресеньям, когда в церквях было особенно громко, я даже заходил и слушал с задних рядов. Или же, когда стояла хорошая погода и двери всех церквей были открыты, я шел по улице, и для моих ушей это было настоящее вавилонское столпотворение: из каждой церкви доносилась своя версия Евангелия, конкурирующая с другими. Пуэрториканские церкви стояли рядом с абиссинскими, по соседству с евангелическими и пятидесятническими конгрегациями и всеми другими брендами церквей, у которых было достаточно денег, чтобы арендовать закрывшийся магазин и купить несколько рядов пластиковых складных стульев. Если я стоял в дверях слишком долго, прихожанам становилось неловко, так что я обычно оставался чуть в стороне от входа, слушая орган Casio и громкие голоса.

Сев в поезд, я тут же отправился в туалет: еще в школе я узнал, что можно не платить 5 долларов за проезд, если вовремя спрятаться там. Я ехал в Нью-Йорк, чтобы отвезти кассету с диджейским миксом в новый ночной клуб, о котором мне рассказала моя девушка Джанет; мы встречались уже несколько месяцев. Джанет выросла, катаясь верхом в Гринвиче, штат Коннектикут, но сейчас жила в общежитии Колумбийского университета, где училась на втором курсе, и стажировалась в журнале *Interview*. Она была похожа на Кэтрин Хэпбёрн времен «Филадельфийской истории», но ее героями были репортеры *Paper* и *Village Voice*, и она была одержима ночными клубами и картинными галереями.

Один из репортеров *Interview* сказал Джанет, что новый ночной клуб под названием «Марс» ищет сотрудников, и если я потороплюсь, то успею оставить им кассету с миксом.

Один из репортеров *Interview* сказал Джанет, что новый ночной клуб под названием «Марс» ищет сотрудников, и если я потороплюсь, то успею оставить им кассету с миксом. И теперь в рваном кармане мокрой куртки я вез 60-минутную кассету со своими лучшими диджейскими миксами: с одной стороны — хип-хоп, с другой — хаус. Я несколько дней работал над этой кассетой, сводя грувы на своем четырехдорожечном магнитофоне, а затем накладывая на них акапельные треки с малоизвестных пластинок в жанрах хип-хоп и диско. Я хотел выглядеть менее бездомным, чем обычно, так что под курткой из секонд-хенда прятался мой самый крутой прикид для ночных клубов: черный свитер с горлом, черные джинсы, черные туфли; все это было куплено в «Гудвилле» и «Армии спасения».

Я просидел в туалете электрички «Метро-Норт» сорок пять минут, вдыхая запах мочи и средства для дезинфекции и рассматривая оформление, нарисованное для кассеты моим другом Джейми. Достаточно ли оно клевое? Оно вообще хоть сколько-нибудь клевое? Джейми придумал для меня логотип со сложными завитками и острыми углами в стиле граффити. Он хотел стать художником-граффитистом, но при этом был белым парнем из Норуока, штат Коннектикут, и учился на бухгалтера в Коннектикутском университете. Кто-нибудь вообще об этом узнает? Может быть, логотип действительно клевый. Я вообще не понимал, так ли это.

Я стал отправлять похожие кассеты с миксами радиопромоутеру в Калифорнии. В одном диджейском магазине висело объявление: «Требуются кассеты с миксами для эфиров по НАЦИОНАЛЬНОМУ радио». Я позвонил по указанному номеру; мне ответил какой-то угрюмый тип из Окленда, на фоне слышался детский плач. Он сказал, что сможет поставить мою музыку на радио, так что я отправлял ему тридцатиминутные хип-хоповые миксы. Я не получил за них ни копейки денег, он даже не сказал мне, поставил ли хоть один мой микс, но я продолжал отправлять кассеты, надеясь, что хоть кто-то, хоть где-то их слушает.

Поезд остановился на Гранд-Централе; я вышел из туалета и побежал, лавируя между другими пассажирами, по большому зданию вокзала в сторону метро. Через пятнадцать минут, перепрыгнув через два турникета, я уже бежал вниз по Четырнадцатой улице, вдоль окрававленных тротуаров Мясницкого района. Я добрался до «Марса», едва дыша от надежды и возбуждения. Ночной клуб «Марс» распола-

гался на заброшенном складе, огромном, грязном и неудобном. Импресарио по фамилии Рудольф арендовал здание, намереваясь превратить его в самый большой и лучший на планете ночной клуб. С фасада открывался вид на Вестсайдское шоссе, несколько секс-клубов и садомазохистских заведений, а также на серую реку Гудзон. В Мясницком районе не было ни ресторанов, ни баров, но перед клубом собралась целая очередь: сотни клевых ньюйоркцев пришли искать работу. Я тоже встал в очередь в своей черной клубной одежде, надеясь, что другие не заметят, что на самом деле я просто маленький, плохо одетый белый парень, живущий на заброшенной фабрике в Коннектикуте.

После часа ожидания очередь наконец дошла до меня. В фойе ночного клуба за большим складным столом сидели три человека и перебирали документы. Один из них спросил:

— Какую работу ищешь? Помощник официанта, бармен, охранник?

— М-м-м... а у вас есть вакансия диджея? — спросил я. Повисла неловкая пауза, затем они все расхохотались.

— Нет, у нас нет вакансии диджея, — ответил мне обескураживающе спокойный женский голос из-за стола. Ко мне обратилась красивая негритянка в длинном черном пальто поверх потрепанной футболки New York Dolls. — Юки уже нанял диджея, — объяснила она.

— Ох. Можно мне хотя бы оставить вам кассету? — спросил я. — Тут с одной стороны хаус, а с другой — хип-хоп. Вы не сможете передать ее человеку, который нанимает диджеев?

Она с жалостью посмотрела на меня, но кассету все-таки взяла. А потом посмотрела на человека, стоявшего в очереди за мной. Я застыл.

— Ладно, спасибо, — сказал я. Ответа не последовало. — До свидания.

Я торопливо вышел и нашел на углу телефон-автомат, из которого собирался позвонить Джанет. Он оказался сломан. Я дошел до следующего телефона-автомата в квартале отсюда — он тоже был сломан. Шел дождь, я замерз, темные тучи висели низко, а я только что опо-

Мне хватило дерзости мечтать, что я смогу стать диджеем в «Марсе». Вот я дурак. А теперь я стою и тарашусь на сломанный телефон-автомат, а мои ноги заливает смесь из дождевой воды и крови животных.

зорился перед клевой, красивой женщиной в ночном клубе, который станет самым лучшим на планете. Мне хватило дерзости мечтать, что я смогу стать диджеем в «Марсе». Вот я дурак. А теперь я стою и таращусь на сломанный телефон-автомат, а мои ноги заливают смесь из дождевой воды и крови животных.

У меня было с собой несколько долларов, так что я пошел в магазин здоровой пищи на углу Тридцатой улицы и Восьмой авеню. Когда я торопился с фабрики в город, я был полон надежд, что наконец-то

Этот человек не спрашивал меня, не живу ли я на фабрике незаконно; он просто проложил провода и поставил телефонную розетку. Когда он уходил, я чуть не спросил его имя, чтобы потом назвать первенца в его честь.

смогу стать настоящим диджеем в Нью-Йорке. А сейчас я шел под дождем, сгорбившись от холодного ветра, чтобы купить жратвы у местных хиппарей. Я взял соевое молоко и хлеб из пророщенного зерна, перепрыгнул турникет, чтобы сесть на линию F, подумал, что F — как раз самая удачная оценка для этой поездки в Нью-Йорк, пересел на поезд до Гранд-Централа на Сорок второй улице и даже купил билет обратно до Стэмфорда, чтобы не сидеть в туалете. В электричке

я съел хлеб и выпил соевое молоко; временами я смотрел через поцарапанные окна на виды Южного Бронкса, временами — заглядывал в журнал *New York Rocker*, забытый кем-то на сиденье.

У групп, о которых писали в *New York Rocker*, были контракты на запись, и они играли концерты. Давали интервью. Выпускали пластинки. Их фотографировали. Слушали их музыку. Обо всем этом я мечтал. Я хотел играть для настоящих зрителей. Хотел работать диджеем в темных, заполненных залах Нью-Йорка. Но на деле я был почти бездомным двадцатитрехлетним музыкантом-электронщиком, чьим единственным источником реального дохода была работа диджеем по понедельникам в маленьком баре в Порт-Честере, штат Нью-Йорк, и по субботам — в клубе для всех возрастов в церкви Гринвича.

Когда я сошел с поезда в Стэмфорде, дождь усилился, и обратно на фабрику я бежал. Дойдя по длинному коридору до моей крошечной студии, я позвонил Джанет. Меня до сих пор изумляло то, что у меня вообще есть телефон. Переехав на фабрику, я позвонил в телефонную компанию и спросил, нельзя ли установить мне его. На следующий же день прислали техника, и через пять минут после его